

Ты похудел. Эти три слова, словно острые иглы, неожиданно вонзились в самое сердце Вэйиньсы.

Он резко оттолкнул руку Сана, отвернулся, избегая его взгляда, а сердце помимо воли забилося в бешеном ритме. Гнев, отвращение, паника и то самое трепетное чувство, которое он глубоко запрятал в душе, даже не желая признавать его существование, — все эти сложные эмоции сплелись воедино, не давая Вэйиньсы дышать.

— Проваливай! — Вэйиньсы внезапно взорвался. Он с такой силой оттолкнул Сана, что даже сам испугался собственной ярости.

Сан не ожидал подобного и, не успев защититься, пошатнулся, отступив на два шага назад, и лишь чудом удержал равновесие. Он смотрел на Вэйиньсы с полным недоумением: неужели его простая забота могла вызвать столь бурную реакцию?

— Вэйиньсы...

— Заткнись! — Вэйиньсы резко оборвал его, голос его дрожал от возбуждения. — Не смотри на меня так! Не смей говорить со мной таким тоном! И не называй меня этим именем! Сколько еще ты собираешься терзать меня, прежде чем оставишь в покое?!

Его грудь тяжело вздымалась, а алые глаза ярко пылали от гнева.

— Ты забрал меня из деревни, оторвал от того человека! Семь лет продержал в этом проклятом лесу! Ты ни разу не спросил, чего хочу я! Под предлогом заботы ты подвергал меня бесчеловечным тренировкам, но интересовали ли тебя хоть раз мои чувства? Ты даже не желал рассказывать мне о прошлом!

Его голос становился всё громче. Обиды и вопросы, копившиеся больше десяти лет, наконец нашли выход.

— Я ненавижу твое самодовольство! Ненавижу, что ты считаешь меня своей собственностью! Ненавижу, как ты вечно притворяешься мягким и безобидным, а сам, улыбаясь, рушишь мою жизнь! Как ты мог...

Он резко замолчал, и слова застряли в горле. Как он мог произнести такое? Выложить перед главным виновником всех своих бед то самое беспокойство, которое он сам в себе презирал?

Сан молча слушал его крики. Его губы дрогнули, словно он хотел что-то сказать. Вэйиньсы тоже ждал от него хоть каких-то слов. Однако все эмоции Сана в итоге вылились лишь в едва слышный вздох.

— Успокойся и выслушай меня, Вэйиньсы... — Сан снова произнес это имя, которое Вэйиньсы

ненавидел всей душой.

Это стало последней каплей, разорвавшей нити его самообладания.

— Не смей называть меня так! — Подобно разъяренному зверю, он бросился на Сана.

Движения Вэйиньсы были стремительны и жестоки — результат шести лет жизни на грани смерти. Вложив магию в кулак, он целился прямо в уязвимое место Сана. Однако тот лишь слегка подался в сторону, легко уклонившись от удара, и в то же мгновение крепко перехватил запястье Вэйиньсы.

В отличие от их встречи на рынке, сейчас его хватка была куда сильнее — она не оставляла ни единого шанса на сопротивление.

— Успокойся, я тебе не враг, — голос Сана оставался спокойным, но в глазах промелькнула властная угроза, свойственная лишь тем, кто стоит выше других.

— Успокоиться? — Вэйиньсы отчаянно рванулся, но так и не смог вырваться.

Сила Сана и его взгляд вселяли в Вэйиньсы ужас, напоминая о судьбе других соплеменников, посмевших пойти против своего наставника на Священной земле. Он решил, что Сан гнался за ним из Священной земли лишь ради того, чтобы наказать, и эта мысль не давала ему прийти в себя.

— Да пошел ты к черту! — Несмотря на внутренний страх, Вэйиньсы, охваченный яростью, со всей силы ударил ногой.

Сан слегка отклонился, избегая удара, и другой рукой твердо надавил ему на плечо, с силой толкнув назад. Вэйиньсы с глухим стуком ударился спиной о край деревянного стола. Удар был таким болезненным, что у него перехватило дыхание, а поясницу пронзила острая боль.

Сан наклонился к нему, их лица оказались так близко, что они чувствовали дыхание друг друга. В разноцветных глазах Сана отражалось искаженное гневом лицо Вэйиньсы.

— Я больше не позволю тебе уйти, — прошептал Сан прямо ему на ухо.

Его голос был низким и четким, звучал как окончательный приговор, не терпящий возражений:

— Отныне, хочешь ты того или нет, я буду рядом.

Его слова, его взгляд, исходящая от него аура господина, сила и мастерство, которые не оставляли шансов на борьбу, — всё это отчетливо воскресило в памяти Вэйиньсы глубокий, въевшийся в кости страх и унижение. Он словно снова оказался в том тринадцатилетнем возрасте, когда этот внезапно появившийся незнакомец насильно увел его прочь.

Душа была полна беспомощности и ярости. Несмотря на все усилия, он не мог сопротивляться. Вэйиньсы смотрел на лицо Сана — оно почти не изменилось за шесть лет. Это была особенность долгоживущих рас и тяжкие оковы, наложенные Священной землей на их народ.

Это лицо хранило слишком много болезненных и противоречивых воспоминаний. Ненависть, словно ядовитый плющ, обволакивала сердце, не давая вздохнуть. Он перестал сопротивляться, лишь мелко дрожал от ярости и страха. Алые глаза в упор смотрели на Сана, в них бурлили негативные эмоции, готовые вот-вот выплеснуться наружу.

Сан, как и прежде, проигнорировал чувства, читавшиеся в глазах Вэйиньсы, реагируя лишь на его действия. Заметив, что тот обмяк, он слегка ослабил хватку, но не отпустил, продолжая смотреть на него со сложным выражением лица. Сейчас он был в некотором замешательстве: он не ожидал, что человек, которого он искал шесть лет, так отчаянно не захочет его видеть, но отступить он больше не собирался.

Однако задумчивость Сана показалась Вэйиньсы пугающей. Он невольно гадал: неужели тот обдумывает, как наказать непокорного ученика? Будет ли наказание таким же суровым, как и у других? Нет, в стиле Сана это будет нечто куда более жестокое. Инстинктивный страх перед учителем, словно тень, накрыл Вэйиньсы.

Он невольно прокручивал в голове возможные сценарии того, что с ним сделает Сан, но уголки его губ вдруг дрогнули в холодной, зловещей улыбке.

Помолчав немного, Вэйиньсы наконец произнес:

— ...Хорошо.

Он прошептал это так тихо, словно это был лишь вздох:

— Если ты, учитель, хочешь остаться, то оставайся.

Брови Сана едва заметно дрогнули — он инстинктивно почувствовал опасность в этой внезапной перемене тона. Но радость от того, что он наконец нашел своего единственного ученика, была столь велика, что бдительность тут же сменилась облегчением.

Вэйиньсы встретил взгляд Сана, и в его улыбке сквозило безумие человека, которому уже нечего терять, и глубоко скрытый расчет.

— Только вот, учитель... — он чеканил каждое слово, а в алых глазах вспыхнул опасный огонек, — за то, чтобы остаться, придется заплатить.

Сан смотрел на него, видя этот странный, полный неприязни блеск в глазах, но молчал, лишь слегка прищурившись, словно о чем-то размышляя. Инстинкты и разум твердили, что оставаться может быть опасно, но сердце не позволяло ему уйти.

Вэйиньсы понимал: с того момента, как Сан вошел в этот город и снова ворвался в его жизнь, всё, что он с таким трудом выстраивал последние годы, будет разрушено. Возможно, он никогда не избавится от этого человека. Но в этот раз он не будет пассивен, как раньше. Он заставит этого самодовольного учителя сполна ощутить ту боль и унижение, через которые прошел сам.

Заходящее солнце пробивалось сквозь узкое окно, отбрасывая на пол причудливые тени. Воздух в комнате словно застыл, пропитавшись напряжением и опасностью.

<http://bllate.org/book/22458/2361943>